

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 11 (2274)

Суббота, 9 марта 1946 г.

Цена 45 коп.

О Международном женском дне — 8 марта

Постановление ЦК ВКП(б)

Международный женский день — 8 марта труженицы Советского Союза встречаются в этом году в условиях, когда советский народ победоносно завершил Великую Отечественную войну и вновь приступил к мирному созидательному труду, к борьбе за дальнейший расцвет хозяйства и культуры в нашей стране.

В тяжелые годы войны с фашистскими захватчиками с особой силой выявилась роль женщины СССР как великой силы советского общества. Советские женщины показали себя патриотками нашей социалистической Родины.

Женщины советской страны неутомимо трудились для победы над врагом. Навсегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги советских женщин во время Отечественной войны. Советские женщины доблестным трулом помогли своим мужьям, сыновьям, отцам, братьям разгромить немецко-фашистских захватчиков.

В годы Отечественной войны советская женщина показала себя самой защитницей советского государства. В рядах Красной Армии, в партизанских отрядах советские женщины проявили стойкость, храбрость и геройизм, достойные нашего народа. Родина не забывает героических подвигов советских женщин в Отечественной войне. Свято чтят наши народы светлую память своих дочерей, отдавших жизнь в борьбе за свободу и независимость Родины.

Женщины СССР, или в рядах герического советского народа, внесли неоценимый вклад в дело разгрома врага и освобождения народов Европы от фашистских поработителей. Своей беззаветной борьбой против фашизма советская женщина завоевала всеобщее уважение свободолюбивых народов мира.

Советские женщины смогли с честью выполнить свой долг перед Родиной благодаря тому, что большевистская партия, советская власть освободили женщин от бытого беспризория и угнетения. В Советском Союзе женщинам обеспечены во всех областях государственной, общественной, хозяйственной и культурной жизни действительно равные права с мужчинами.

Советская женщина — большая сила в социалистической промышленности и на транспорте. Миллионы женщин-работниц, добросовестно трудящиеся на предприятиях, на железных дорогах, неустанным совершенствуют свое мастерство. Десятки тысяч женщин руководят на фабриках и заводах brigadiami, смешами и цехами. Многие женщины стоят во главе фабрик и заводов. Только в промышленности работает свыше 250 тысяч женщин инженеров и техников.

Отреченные роли играют советские женщины во всех отраслях социалистического сельского хозяйства. Женщины-колхозницы, работницы совхозов самоотверженно трудятся на полях и фермах. Более 350 тысяч первотелых женщин руководят brigadiami и животноводческими фермами. Тысячи женщин работают председателями колхозов, 254 тысячи женщин, руководят передовой техникой сельского хозяйства, работают brigadiami тракторных бригад, трактористами и комбайнерами.

Советские женщины активно участвуют в развитии науки в нашей стране. Десятки тысяч женщин ведут научную работу в научно-исследовательских институтах и лабораториях. Они внесли серьезный вклад в советскую науку. Многие из них стали видными учеными, известными всей стране. За выдающиеся работы в области науки, техники, искусства и литературы 116 женщинам присуждены Сталинские премии.

Большую плодотворную работу ведут женщины нашей страны на поприще культуры. В области народного просвещения работает 750 тысяч женщин-учительниц. Десятки тысяч женщин работают директорами школ, инспекторами отделов народного образования и выполняют другую руководящую работу в органах народного просвещения. В органах здравоохранения работает до 100 тысяч женщин-врачей.

Только советский строй мог понять творческую инициативу миллионов женщин, воспитать женщин — промышленности, транспорта и сельского хозяйства, женщин — Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда, женщин — лауреатов Сталинской премии, женщин — государственных деятелей.

Ни в какой другой стране женщина-мать не пользуется таким почетом, как в СССР. Советское государство проявляет постоянную заботу о женщина-матери. Ежесотни тысяч матерей-награждены орденами «Материнская слава» и медалями заслугами, 5.850 советских женщин получили высокое звание «Мать-героиня». Государство отпускает большие средства для помощи матери и ребенка. Только за последний год многотысячные суммы были направлены на помощь матерям и детям.

Женщины — служащие советских учреждений! Боритесь за точное выполнение советских законов, честно относитесь к запоросам и нуждам тружениц!

Женщины — учителя, работники народного образования и культуры! Воспитывайте образованных и культурных советских людей! Боритесь за новый расцвет просвещения и культуры в нашей стране!

Женщины — медицинские работники! Улучшайте работу лечебных и санитарных учреждений! Повышайте качество медицинской помощи населению!

Женщины — служащие советских учреждений! Боритесь за точное выполнение советских законов, честно относитесь к запоросам и нуждам тружениц!

Женщины Советского Союза! Проявляйте неослабное внимание к тем, кто в боевых действиях погиб, а также к тем, кто остался жив.

Привет женщинам свободолюбивых народов, борющимся за обеспечение прочного и длительного мира между народами, за свободу и демократию!

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) приветствует всех тружениц женщин Советского Союза и выражает твердую уверенность в том, что советские женщины будут и вперед неустанным бороться за дальнейшее укрепление поголовья скота и повышение продуктивности животноводства!

Советская женщина — гражданин и труженица — с честью выполняет свою высокий и ответственный долг в деле воспитания подрастающего поколения. Женщины-матери, советские патриотки воспитывают своих детей в духе беззаветной преданности Родине. Великая Отечественная война показала всему миру, какое геройическое поколение советских людей родила Родина.

Лучшие дочери народов Советского Союза, завоевавшие славу мастеров труда на фабриках, заводах и колхозных полях, выдающиеся ученые, инженеры, врачи, педагоги, общественные деятели.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

НА ПАРТИЙНЫХ СОБРАНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ

ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В Ленинградском отделении Союза писателей состоялось открытие партийного собрания, на котором Ольга Бергольц выступила с докладом о задачах писательской организации и связи с исторической речью товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 года.

О. Бергольц говорит о чувствах гордости и радости, с какими писатели Ленинграда накануне выборов в Верховный Совет СССР выслушали речь товарища Сталина, которая подвела великие итоги прожитого и созданного советским народом и обрисовала контуры недалекого будущего нашей Родины.

Речь товарища Сталина — огромный вклад в марксистско-ленинскую науку. Она определяет задачи коммунистической партии и советского народа. Эта историческая речь — торжественная программа для каждого советского писателя, она имеет величайшее значение для дальнейшего теоретического и практического развития советской культуры.

Подробно говорила О. Бергольц о задачах художественного осмысливания и обобщения событий предвоенных, военных и послевоенных лет, об изображении героя-победителя. В докладе была оценена роль ленинградских писателей в борьбе за быстрейшее восстановление Ленинграда, как крупнейшего индустриального, научного и культурного центра страны.

КИЕВ

КИЕВ. (От наш. корр.). В Союзе советских писателей Украины состоялось открытое партийное собрание, посвященное выступлению товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля. Литературовед Л. Капица подробно остановился на задачах, вытекающих из речи товарища Сталина для каждого граж-

данника советского государства, в частности, на задачах писателей Украины. Отметив заслуги отряда писателей Украины в годы Отечественной войны, Л. Капица указал на существенные недостатки украинской литературы военного времени — на фактурообразность, отсутствие обобщающих образов людей сталинской эпохи, не достаточную глубину изображения событий, бледность художественных средств.

В обсуждении доклада Л. Капица принял участие С. Склиренко, Е. Кириллов, А. Тростянецкий, Л. Новицкий.

— Наступает время новых сталинских пятилеток, — сказал он. — Каждый из нас должен вдуматься, что предстоит сделать писателю. Гражданский долг велит нам быть на высоте задач своего времени, помочь народу, учить подрастающую молодежь, учить не менторски, не на прописях, а силой искусства. Мы должны показывать в своих произведениях нашу прекрасную, насыщенную созидательным трудом жизнь, увлекающую силой и правдой искусства, вдохновленного сталинскими мыслями и идеями.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

На собрании выступил С. Бытовой, П. Капица, Б. Рест, И. Брыкин, И. Эвентов, Г. Миронинченко, Р. Равич.

ТРАПЕЗА В МОНАСТЫРЕ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ «ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА»

Обед происходил в монастырской трапезной торжественно. Трапезная, похожая своим обрамством на церковь, была обширна, каменные столы и стены расписаны в византийском вкусе. Под потолком небольшое паникадило. У восточной стены иконостас, возле него аналой с переплетенным псалтырем, по нему во время трапезы монастырской братии молодой инок читал во всевспоминаях псалмы. Братия закончилась обедом такому называло кислой капустой, снетками, медом, ладаном.

Гости сидели чинно. Против Пугачева— представительный чернобородый архимандрит Александр в черном клобуке и мантии, справа и слева от Александра— два седовласых иеромонаха и клоцарь, рядом с клоцарем— отец Иван. Юные служки в черных подрясниках, перекваченных по тонкой талии ременными петлями, шустро и неслышно взад-вперед мелькали, разнося питья и наряды.

Подняты были, как водится, здравицы за государя, государю и наследнику с супругой, все шло, как по маслу. Но тут чордурнула одна архимандрита блеснула своим немалым красноречием. Он был мастер произносить проповеди, в основу которых клал призы к чувствам монахествующей братии и приходивших богомольцев, убеждая свою паству творить добрые дела, ибо «вера без добра мертвает». Архимандрит тоже и не блестел подвижнической жизнью, но никогда не нарушал ни догматических правил, ни монашеского устава, ни строгого монашеского обета.

Через многочисленных богомольцев— пристолидов, стекавшихся в обитель даже с отдаленных губерний, он прекрасно знал о всех жестокостях, иные производимых крестьянами имением царя-батюшки над споими помешниками и прочими утеснителями народных. А за последнее время, в том же Алатыре, суд и расправу над врагами крестьянствачинил сам государь. Да и здесь, в Сибирске, уже были и вновь готоятся немалые казни. Архимандрит Александр, приглядываясь к своему гостю, глядел в душу— царь он или не царь, не мог дать себе точного ответа. Ежели он царь, все обойдется благополучно, ежели он самозванец Пугачев, архимандрит не миноват кары от Синоды, от правительства. Поэтому он, архимандрит, решил заготовить семя некую лазейку на тот случай, ежели его призовут и спросят: «Как ты смел принимать в святой обители душегуба и разбойника?» Он тогда ответит: «Того ради, чтоб наставить злодия на путь истинный». С другой же стороны, им в данную минуту руководило сознание высокой обязанности христианина.

И вот он поднялся, принял от послушника посеребренный посох, молитвенно склонил густые брови и морщины на высоком лбу, ласково и в то же время с внутренней твердостью уставился глубоким взором в лицо Пугачева, и крепко опираясь на посох, начал мужественным голосом:

— О, царь благопобедный! (Сидевший на краю стола Лубровский вынул бумажку и записал слово: «благопобедный»— пригодится.) Прими от меня, многогрешного, — продолжал отец Александр, — знаний благодарности за щедрое покрещование твоих на украшение святой обители наши. Такоже и прочие цари христолюбцы делявали от времен древних и до сих пор, принося лепту свою на храмы божия. (Принес еще полстолы подсунуты, — подумал Пугачев, — красно говорит да и упоминает нас изрядно!) И аз, грехиный, у меня двери зернением напомнил тебе, сбываши, что государи всеславийски бывали характером и делами своими разныи суть. Один, как Алексей Михайлович, тишище практики народом русским, другие, как Великий Петр, собственно руки корабль и устроили свою державу на иноzemный лад, треты — не корабли, а боярские головы крамольные рубли с племя, как Иван Васильевич Грозный. А вот ты, царь благопобедный, — архимандрит отвел свои смущившие глаза от Пугачева и опустил взоры землю, затем, направив мысль и как бы готовясь сказать самое важное, он снова вскинув взор на Пугачева:

— Ты, свете наше, нежданно обявился на Руси образом чудодейственным. Двери наше лет будто не было, и я, и ты, яко паки родинини, снова приступаешь к своей персоне посреди верноподанных твоих. Да, поистине чудо неизреченное... Токмо не нам, не нам, грешным, знать, что сотворяется в нашем грешном мире! — воскликнул архимандрит, скрученного потряхивая головой. — Сказано бо есть: въс земля падает, въс небеса созидається.

— Въс небеса падает — это царини любедейной трон воск擂алася, — гукнула в коридоре отец Иван и опустил очи.

— И не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершились ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым... И тогда...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершились ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершились ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую руку с янтарными четками в сторону Пугачева и громким голосом, чтобы все слышали и запомнили слова его, сказал: — Паки и паки реку тебе, о царь благопобедный, не проливай напрасно кроин людской, обсемени сердце свое добром и милостью! Не иди против царя Грозного, а приенялся к дедам добрым...

— Стой, отец Александр! — прервал его Пугачев, уперев ладонями в стол и отбросив назад корпуш. Все гости враз насторожились, будто почивая в словах его боевой призыва. — Ты уж не уч меня в иниции дела не суйся, — продолжал Пугачев,

— и не ведомо нам, — продолжал архимандрит, — по какой стезе совершился ты, царь-государь, свое честине. Но аз, многогрешный, зрю в руце твоего царя-боярина меч и предваряю тебе, велико чадо мое, ибо аз есть пастырь христовой церкви. — Отец архимандрит, опиравшися на посох, простер правую р

СТИХИ МАКСИМА ТАНКА

В белорусской газете «Литература и искусство» художник Д. Красильников поместил дружеский зарж на Максима Танка. Позт стоит на палубе старинной каравеллы. На нем — плащ знатного идальго, шляпа с пышным пером, на боку — шпага.

«Исторический реквизит» часто служит основным мерилем и для критиков, пишущих о поэзии, основной анализатором — но берется биография, а читатели — иллюстрация к ней. Меня, читателя, прежде всего интересует творчество, а потом уже биография; если передо мной талант, то мое представление раздвигает границы этой биографии частично далеко, что вместе с темом я могу

уважать, что плащ жажды
за маму курганы пашырят

(Увидеть, что путь жизни
За маму курганом стави шире)

Испытание временем выдержит не реквизит, а живой человек.

М. Танк давно плавает не на каравеле, а на корабле. Перед ним — неизвестный путь, но от этого еще более величественный, более желанный становится тот мак, к которому плавает корабль. В стихотворении «Заусады поизнучу» Танк чистосердечно и со всей ответственностью за себя, за свое творчество говорит:

Я не имущу таких лягуш, —
Чтоб недалеки шли у мыши.
Во мах патрона у жицьц
ищич альбрык нимала смакту,

накупу в ней салених жетрам,

Талы на маице смалкай,

що дланьми да родных томку,

ци па бацаке, у якой

коростам запевает прыгни,

— патомы змогучи альчыть

вонкавых гадкохъят.

(Я не пытаюсь читать,

Чтоб плавать на макахъят,

Весь нам необходимо в жизни,

Еще открытие номало из Атлантид

С ног всплыть в сокровищахъетром...

Также по матче молочны,

Что дополняет к родным нивам,

Изм по бутылке, в которой

Нордистом замечены пригомы,

Потомки смогут проплатить

Последние корынтины).

Это стихотворение написано Танком в Отечественной войне и входит в его новую, только что вышедшую в Минске, книгу «Вастречи збором» («Ботчите оружене») и может, оно не так и замечено, как другие стихи, наиболее злободневные, но много в нем глубокого разумы. Такие стихи легко неются, в них есть заветная тема, которая свойственна только настоящему художнику. Позт держит ответ и перед своей совестью, и перед потомками, которые, как и сейчас современники, вправе спросить:

Ямы гуямы, струны,
Ше писими ты увекачечу
Ди гора, наша славы дли
Латыньзоры блеск прадечных?

(Кажды плуками струны,
Иль писими ты увекачечих
Лин гора, наша славы дли
И эти звезды блеск извечных?)

Необходимо добывать то нужное и точное слово, что всегда будет находить живой отзвук в человеческой душе. Танк умеет добывать такое слово.

Хба, таму! — пастам,
Пражакицким век, альчай дась
Алацена дненя твариня света...

(Не потому ли нам — поэтам,

Прожиганим век, последний день

Кажется днен созданием мира.)

Тема жадного стремления в будущее, уверенность в осуществлении светлых чаяний своего народа нашла свою отчетливую форму в книге «Под мачтой» (1937 г.).

Люблю, статья пах, пакий сосай —
нас эмкунай мечтый затыт,

Латын тулы, дре эмкунай весны —

Плыть в краи умест с тобой.)

Слаблю стоять под высокой сосной —
Пок звонкой мечтой золотой.

И плыть тула, где звонят весны —

Плыть и краи весь с тобой.)

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла сосновая ветка, поэт почувствовал, что подлинное счастье человека — только на родине земле, в труде, в творчестве.

Так, казалось бы, на очень далекой и давней человеческой судьбе, на судьбе Колумба, Танк ставит тему любви к родине и решает ее не только с полны освещением своего времени, но находит еще то извечное живое чувство, что всегда будет близкими и понятными человеку. Танк заглянула в далекое прошлое с пристрастием к современнику, с ответственностью за завтрашний день, за будущее. Это и придало произведению то счастливые качества, которые всегда будут определять его актуальность, его поэтическую действенность. Тот, кто ради личной наживы, ради золота и

Пол недавно опубликованным стихотворением «Сон над Неманом» стоит дата 1938—1945 гг. Семь лет неоступно ходили за поэтом образы его задуманной темы, прошли вместе с поэтом войну и, наконец, вновь свое осуществление в его исповеди.

Поэт охотно согласился поплыть с Колумбом в заманчивое путешествие; заманчивое потому, что неистовая и любопытная натура поэта жаждет нового и неизведанного. Однако он разочаровалась, когда увидел, что его спутники сумели счастья нашли в накиже, в золоте, жемчугах и кораллах. Когда из далекой родины привезла

СОДРУЖЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

В Иностранный комитет Союза советских писателей с большим опозданием дошло опубликованное в газете «Эль Насиба» письмо венесуэльского поэта Карлос Аугусто Леона.

Он пишет:

«Мон советские друзья! Наша молодежь, наш народ любят СССР. Мы, молодые писатели, испытываем на себе влияние мастеров вашей классической литературы и многих ваших современных писателей, ныне прославивших свою страну.

Часы глубокого волнения обязаны мы Горькому; мы воспитывались на примере его жизни и творчества. Мы восхищаемся той глубиной, какой отличаются книги Ал. Толстого, восхищаемся Шолоховым, столь близким в земле, к деревне, Василием Гроссманом и его прекрасной книгой «Народ бессмертен», Вандой Васильевской и ее волнующей, вдохновенной «Радугой»

Крепко жму руку
Карлос Аугусто ЛЕОН.

По страницам польской печати

Газета «Роботник» недавно опубликовала письмо польского поэта Юлана Тувима, присланное из Нью-Йорка литератору Эбигнейзу Митцнеру, одному из редакторов юмористического журнала «Шинильки».

«Благодаря вас за оба ваши письма,—

пишет Тувим.— Вы не можете себе пред-

ставить, какой огромной радостью была

для меня весть о том, что вы живы... Жму

вашу руку и целую вас за то, что вы живы — вы горячка друзей «шинильков».

Тех, которые погибли, вспоминаю

ежедневно, ежедневно них взыдаю. Не

могу писать об этом, либо в силах ли слова

рассказать о моей любви к вам, о моей

тоске по вас, по родному краю. А вы спра-

шиваете, помни ли я вас, помни ли я

«Шинильки»... Знаете, что первая психиче-

ская особенность эмигранта это — лихора-

дочное обострение памяти, стремление все,

все вспомнить. Но довольно, все равно не

сумею это выразить. Всю буду в Лодзи...

...»

В Польшу вернулся из эмиграции видный поэт Владислав Броневский. Польские газеты и журналы печатают теперь стихи Броневского, написанные им в годы страны. Порт выступает на многочисленных собраниях рабочих и интеллигентов, читая свои новые произведения. В статье, посвященной творчеству Броневского в газете «Голос Люди», поэт Павел Гертц пишет: «Не случайно, что Владислав Броневский — первый польский поэт, который после восстановления независимости Польши вернулся из эмиграции на родину. За пять лет не обнаружил связи поэта с читателями. Стихи Броневского распространялись в Польше в списках и в легальных, конспиративных изданиях». Владислав Броневский опубликовал в литературной газете «Возрождение» первую главу повести о своих приключениях в Польше, в которой он сообщает, что она охватывает «судьбы, борьбу, скитания и страдания поляков в период войны». Повесть вызывает большой интерес у польских читателей.

В. МАРЕЦКИЙ.

„Я никогда не была заключенной“

«Я никогда не была заключенной» — так называется недавно вышедшая книга известной финской писательницы Хеллы Вуолийоки, правдивый человеческий документ, повествующий о том, позорном

периоде в истории Финляндии, когда ее правители, охваченные бредовой идеей о «великой Финляндии», превратили свою

страну в военный плацдарм против Советского Союза.

В этот период Хелла Вуолийоки, чьи ими, как общественной деятельницы и писательницы, известно далеко за пределами Финляндии, чьи пьесы ставились на сценах многих европейских театров, была арестована в течение 15 месяцев в одиночной камере, ждала смертного приговора. Ее хотели казнить, как «изменника родины», на самом же деле, как расказывает писательница, за то, что «я пытаюсь освободить свою страну от обратного».

Хелле Вуолийоки было тогда 58 лет. Тяжело было смыкнуться с мыслью о смерти. «Не легко умирать даже во имя жизни, даже во имя мира... когда в тебе так много любви к жизни... Оставить на мирного театра до последнего акта драмы, до соленчного восхода».

Сознание своей правоты, справедливости дела, за которое она борлась во имя блага своего народа и своей родины, сознание общности с миллионами борцов за свободу помогло Хелле Вуолийоки найти в себе силы перенести всю тяжесть заключения.

За большие деньги, 4,500 марок в месяц, Хелла Вуолийоки получила разрешение писать. Тюремщики пошли на это, рассчитывая, что ни она, ни написанное ею все равно не увидят света. Но они присчитались.

Заключение мира с Советским Союзом раскрыло двери тюрьм перед Хеллой Вуолийоки и другим полноправленным, и уже через несколько месяцев после ее освобождения книга была напечатана и переведена на другие языки.

Книга, задуманная как своего рода за-вещание, прозуличала, как гимн жизни, гимн человеку, свободолюбивый дух которого нельзя заковать ни в какие цепи.

В этой книге нет ни громких деклараций, ни описания героических подвигов, но вся она — пример подлинного герояизма, свидетельство великой силы бесконечных борцов за человечество. Поэтому глубоко обоснованным становится заглавие книги «Я никогда не была заключенной».

Как может быть «заключенным» человеком, который даже в одиночной камере слышит и чувствует все, что происходит в мире?

«...Я слышу и вижу, и я плачу над моим народом... Я живу миллионами жизней и знаю, что зря свободы займется над мигом».

За два месяца до окончания войны следователь об явил Хелле Вуолийоки о том, что смертный приговор заменен ей по-

на условную.

Изображение Хеллы Вуолийоки, каким оно было в книге, — это портрет, который

всегда будет жить в памяти людей, которые ее знали.

Л. ПАСЫНКОВ.

Н. КРЫМОВА

11 марта в помещении Союза советских писателей СССР открылась конференция русских прозаиков, живущих в областях РСФСР и в автономных республиках.

Для участников конференции будет про-

читан цикл лекций на темы: «Ленин и Стalin о литературе и искусстве», «Искусство и действительность», «Социалистический реализм», «Реализм и романтизм, как метод изображения действительности», «Проблемы национальной формы», «Язык и стиль литературно-художественного произведения», «Проблемы изображения современности» и др.

Работа конференции продлится до 10 апреля.

♦ ♦ ♦

Иллюстрации Л. Бродаты к книге «Американские новеллы XIX века» (Гослитиздат)

Л. ПАСЫНКОВ

БУДУЩЕЕ

Многие думают о будущем, но не всяко удаётся заглянуть в него. Когда действительно кончается и подросток начинает размышлять не только о своем завтрашнем дне, но и о грядущем человечестве, то в этом остром, прытком возрасте, показал, он не получает достаточного обилия ответов на свои вопросы; тогда он невольно и зачастую прежде всего обращается к книгам для взрослых. Этому пору духовно-алчных многие из нас очень хорошо помнят.

Когда родители нашими собраны любими книги, с которыми мы ходим по широкой земле, но очень редко заглядываем в будущее.

С Jakolino молодые читатели путеше-

ствуют по Востоку, преимущественно по Индии. Они проглатывают повести «Капитана» Мария и прочитывают работы его од-

нофамины, каирского египтолога Августина Мария; он и Эберс уводят подростков в давним давно минувшем.

Мы растем и становимся взрослыми, обращаемся к Флоберу и вместе с ним посещаем Кафкаса. Флобер, с такой художественной убедительностью виникший в жизнь древнего африканского города, там и не увидел завтрашней жизни. Бювара, Пеконы, Бовари — прытком, как в них не соединяется счастье и горе.

«...Я не хочу чудес, лучше бы я их не совершил! Никаких больших чудес; все, как было раньше; меня обволило в бар и что-то было, как прежде...»

Сила не в чудесах, за которыми прят-

ся зияния, рискуя жизнью, взобралась на

недоступную вершину, с которой спуск опасен подъемом.

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»). Усыпальница только и жаждет — любою ценой! — проникнуть в тайны природы и стать иным, новым. Бедный же Федорингэ! Испугавшись своей навязчивой силы, хочет отградиться от нее и жалобно молит:

— «Я не хочу чудес, лучше бы я их не совершил! Никаких больших чудес; все, как было раньше; меня обволило в бар и что-то было, как прежде...»

Сила не в чудесах, за которыми прят-

ся зияния, рискуя жизнью, взобралась на

недоступную вершину, с которой спуск опасен подъемом.

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молотком образцы загадочной белой породы и думает не столько о смертельной опасности, сколько о том, что если суждено будь вернуться в жизнь, он вернется другим — прежним? («Большой рог»).

Усыпальница, рискуя жизнью, отбирает молот